

Про серебряное блюдечко и наливное яблочко.

мужика съ женой, было три дочери: двѣ — нарядницы, затѣйницы, а третья — простоватая; и зовутъ ее сестры, а за ними и отецъ съ матерью, — дурочкой. Дурочку вездѣ толкаютъ, во все помыкаютъ, работать заставляютъ; она не молвить и слова, на все готова: и траву полетѣ, и лучину колетъ, коровушекъ доить, утокъ кормить. Кто что ни спросить, все дура приносить: «Дура, поди! За всѣмъ, дура, гляди!»

Бѣдетъ мужикъ съ сѣномъ на ярмарку, общаетъ дочерямъ гостинцевъ купить. Одна дочь просить: «Купи мнѣ, батюшка, кумачу на сарафанъ.» Другая дочь просить: «Купи мнѣ алой китайки». А дура молчитъ да глядитъ. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросилъ: «Чего тебѣ, дура, купить?» Дура усмѣхнулась и говорить: «Купи мнѣ, свѣтъ-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко.» — «Да на что тебѣ?» — спрашиваютъ сестры. — «Стану я катать яблочкомъ по блюдечку, да слова приговаривать, которымъ научила меня прохожая старушка за то, что я ей калачъ подала.» Мужикъ общалъ и поѣхалъ.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли былъ онъ на ярмаркѣ, сѣно продалъ, гостинцевъ купилъ: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафанъ, а дурѣ серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показываетъ. Сестры

рады были, сарафаны пошили, а на дуру смѣются, да ждутъ, что она будетъ дѣлать съ серебрянымъ блюдечкомъ, съ наливнымъ яблочкомъ. Дура не ѣстъ яблочко, а сѣла въ углу,—приговариваетъ:

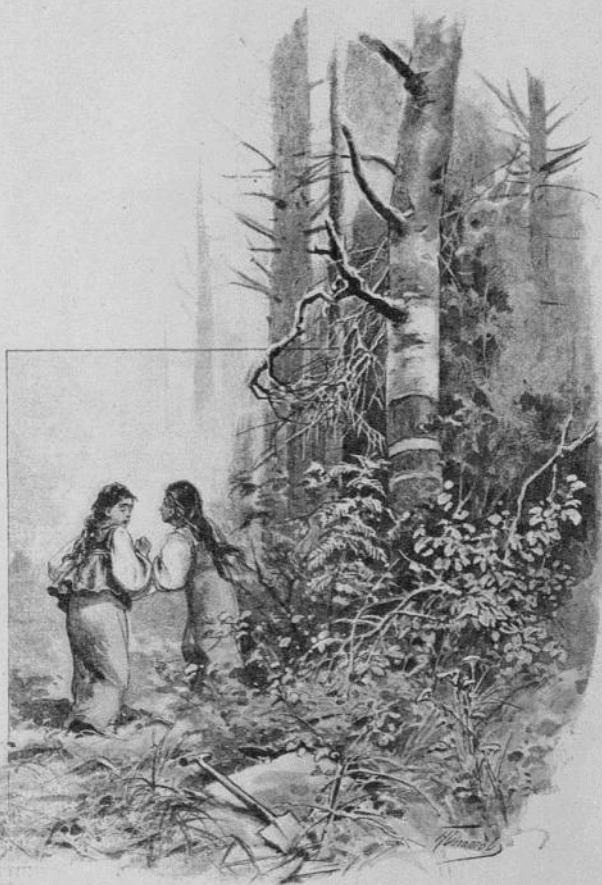
— Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мнѣ города и поля, лѣса и моря, и горъ высоту, и небесъ красоту!»

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечкѣ всѣ города одинъ за другимъ видны, корабли на моряхъ и полки на поляхъ, и горъ высота, и небесъ красота. Солнышко за солнышкомъ катится, звѣзды въ хоровахъ собираются—такъ все красиво, на диво, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Заглядѣлись сестры, а самихъ зависть беретъ, какъ-бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не промѣняетъ.

Злая сестры похаживаютъ, зовутъ, подговариваютъ: «Душенька сестрица! Въ лѣсъ по ягоды пойдемъ, землянички наберемъ.» Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да въ лѣсъ пошла; съ сестрами бродить, ягоды собираетъ, и видитъ, что на травѣ заступъ лежитъ. Вдругъ злая сестры заступъ схватили, дурочку убили, подъ березкой схоронили, а къ отцу поздно пришли, говорятъ: «Дурочка отъ насъ убѣжала, безъ вѣсти пропала; мы лѣсъ обошли, ее не нашли: видно, волки сѣѣли!» Жалко отцу—хоть дура, да дочь! Плачетъ мужикъ по дочери; взялъ онъ блюдечко и яблочко, положилъ въ ларецъ да замкнулъ; а сестры слезами обливаются.

Водить стадо пастушокъ, трубить въ трубу на зарѣ и идетъ по лѣсу овечку отыскивать. Видитъ онъ бугорокъ подъ березкой въ сторонѣ, а на немъ вокругъ цвѣты алые, лазоревые, надъ цвѣтами тростинка. Пастушокъ молодой срѣзалъ тростинку, сдѣлалъ дудочку, а дудочка сама поетъ—выговариваетъ:

— Играй-играй, дудочка! Потѣшай свѣта-батюшку, мою родимую матушку и голубушекъ сестрицъ моихъ. Меня, бѣдную, загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко. Люди слышатъ, сбѣжались, вся деревня за пастухомъ идетъ;

Зачем сестры заступя схватили, дурочку убили, подь березкой схоронили.

пристаютъ къ пастуху, выпрашиваютъ, кого загубили? Отъ распросовъ отбою нѣтъ. «Люди добрые!—говорить пастухъ,—ничего я не вѣдаю, а искалъ въ лѣсу овечку и увидѣлъ бугорокъ, на бугоркѣ цвѣточки, надъ цвѣточками тростинка; срѣзалъ я тростинку, сдѣлалъ себѣ дудочку, сама дудочка играетъ-выговариваетъ.» Случился тутъ отецъ дурочки, слышитъ слова пастуха, схватилъ дудочку, а дудочка сама поетъ:

— Играй-играй, дудочка, родимому батюшкѣ; потѣшай его съ матушкой. Мени бѣдную загубили, со свѣту сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко.»—«Веди насъ, пастухъ!—говорить отецъ,—туда, гдѣ срѣзалъ ты тростинку.»

Пошелъ за пастухомъ онъ въ лѣсокъ, на бугорокъ, и дивится на цвѣты красивые, цвѣты алые, лазоревые. Вотъ начали разрывать бугорокъ и мертвое тѣло отрыли. Отецъ всплеснулъ руками, застоналъ, дочь несчастную узналъ, лежитъ она убитая, невѣдомо кѣмъ загубленная, невѣдомо кѣмъ зарытая. Добрые люди спрашиваютъ, кто убилъ-загубилъ ее? А дудочка сама играетъ-выговариваетъ:

— Свѣтъ мой батюшка родимый, меня сестры въ лѣсъ зазвали, меня бѣдную загубили за серебряное блюдечко за наливное яблочко; не пробудишь ты меня отъ сна тяжкаго, пока не достанешь воды изъ колодезя царскаго.... Двѣ сестры-завистницы затряслись, поблѣднѣли, а душа какъ въ огнѣ, и признались въ винѣ; ихъ схватили, связали, въ темной погребѣ замкнули до царскаго указа, высокаго повелѣнья; а отецъ въ путь собрался въ городъ престольный.

Скоро ли, долго ли—прибылъ въ тотъ городъ. Ко дворцу онъ приходитъ; вотъ съ крыльца золотого царь-солнышко вышелъ, старикъ въ землю кланяется, царской милости проситъ. Говорить царь: «Возьми, старикъ, живой воды изъ царскаго колодезя; когда дочь оживетъ, представь ее намъ съ блюдечкомъ, яблочкомъ, съ лиходѣйками-сестрами.» Старикъ радуется, въ землю кланяется, и домой везетъ скляницу съ живою водою; бѣжитъ онъ въ лѣсокъ на цвѣтной бугорокъ, отрываетъ тамъ тѣло. Лишь онъ sprыснулъ водой—встала дочь передъ нимъ живой, и припала голубкой на шею отцу. Люди сбѣжались, наплакались.

Поѣхалъ старикъ въ престольный городъ; привели его въ царскія палаты. Вышелъ царь-солнышко, видитъ старика съ тремя дочерьми: двѣ за руки связаны, а третья дочь — какъ весенній цвѣтъ, очи — райскій свѣтъ, по лицу заря, изъ очей слезы катятся, будто жемчугъ падаютъ. Царь глядитъ, удивляется; на злыхъ сестеръ прогнѣвался, а красавицу спрашиваетъ: «Гдѣ-жь твое блюдечко и наливное яблочко?» Тутъ взяла она ларчикъ изъ рукъ отца, вынула яблочко съ блюдечкомъ, а сама царя спрашиваетъ: «Что ты, царь-государь, хочешь видѣть: города-ль твои крѣпкіе, полки-ль твои храбрые, корабли ли на морѣ, чудныя-ль звѣзды на небѣ?»

Покатила наливнымъ яблочкомъ по серебряному блюдечку, а на блюдечкѣ-то одинъ за однимъ города выставляются, въ нихъ полки собираются, со знаменами со пищалями, въ боевой строй становятся; воеводы передъ строями, головы передъ взводами, десятники передъ десятнями; и пальба и стрѣльба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечкѣ море волнуется, корабли, какъ лебеди, плаваютъ, флаги развѣваются, съ кормы стрѣляютъ; и стрѣльба, и пальба, дымъ облако свилъ, все изъ глазъ сокрылъ! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: въ блюдечкѣ все небо красуется, солнышко за солнышкомъ кружится, звѣзды въ хороводъ собираются.

Царь удивленъ чудесами, а красавица льется слезами, передъ царемъ въ ноги падаетъ, проситъ помиловать: «Царь-государь!—говоритъ она, — возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости сестеръ моихъ, за меня не губи ты ихъ.» Царь на слезы ея сжалился, по прошенью помиловалъ; она отъ радости вскрикнула, обнимать сестеръ бросилась.

Царь глядитъ, изумляется; взялъ красавицу за руки, говоритъ ей привѣтливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мнѣ супругою, царству доброй царицею?»—«Царь-государь!—отвѣчаетъ красавица,—твоя воля царская, а надъ дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; какъ отецъ велитъ, какъ мать благословитъ, такъ и я скажу.» Отецъ въ землю

поклонился; послали за матерью — мать благословила. «Еще къ тебѣ слово,—сказала царю красавица:—не отлучай родныхъ отъ меня; пусть со мною будутъ и мать, и отецъ, и сестры мои.» Тутъ сестры ей въ ноги кланяются: «Недостойны мы!» — говорятъ онѣ.—«Все забыто, сестры любезныя!—говоритъ она имъ;—вы родныя мнѣ, не съ чужихъ сторонѣ, а кто старое зло поминить, тому глазъ вонъ!»

Такъ сказала она, улыбнулась, и сестеръ поднимала; а сестры въ раскаяньи плачутъ, какъ рѣка льются, встать съ земли не хотятъ. Тогда царь имъ встать приказалъ, кротко на нихъ посмотрѣлъ, во дворцѣ остаться велѣлъ.

Пиръ во дворцѣ, крыльцо все въ огняхъ, какъ солнце въ лучахъ; царь съ царицей сѣли въ колесницу, земля дрожитъ, народъ бѣжитъ: «Здравствуй,—кричитъ,—на многія вѣка!»

А. Г. Савиловъ

М. М. Савиловъ